

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ЗАМУЖ ЗА ЧЕРНОГО ВЛАСТЕЛИНА,
ИЛИ МУЖИКИ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫ

ОДИНОКАЯ БЛОНДИНКА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ,
ИЛИ БОЙТЕСЬ СБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ!

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ,
ИЛИ ОНО МНЕ НАДО?

ВЫЙТИ ЗАМУЖ НЕ НАПАСТЬ,
ИЛИ ОНО НАМ НАДО?

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Выйти замуж не напасть,
или Оно нам надо?

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С47

Художник
Л. Клепакова

Славачевская Ю. В., Рыбцкая М. Б.

С47 Выйти замуж не напасть, или Оно нам надо?: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 344 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1182-5

Один любит до умопомрачения, но... нелюбим и пугает страшной демонической сутью. Другой любит и любим, но приходит только во сне, а наяву я его не помню. А еще вокруг интриги, злопыхательство дворцовых льстецов и тоска. Но я буду не я, если не попробую измениться и изменить весь мир!

К демонам демонов! Я найду свое счастье, и пусть никто не становится на моем пути — будь то демоны, боги или еще кто! Любимый, где ты? Отзовись!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Славачевская Ю. В., Рыбцкая М. Б., 2012
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1182-5 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Лучший способ спорить с женщиной — это соглашаться с ней во всем!

Юлия Славачевская

Где-то высоко в горах...

В главном зале старинного замка, благоухающем высокими резными панелями черного дерева с позолотой и большим камином, у громадного, во всю стену зеркала стояла изящная красивая женщина в зеленом муслиновом платье. Она сжимала в руках тонкий стеклянный бокал, наполненный розовым игристым вином, и в молчании наблюдала за разворачивающейся перед ней драмой.

В зеркале отражались бледная, измученная ее копия и сильный, но почти сломленный ношей, свалившейся на его плечи, мужчина.

— Довольна?.. — ядовито поинтересовался незаметно подошедший супруг, указывая на их общую дочь в зеркале. — ЭТО именно то, чего ты так упорно добивалась?

— Ты о чем, милый? — промурлыкала богиня, поворачиваясь и надевая на лицо нежную улыбку.

Злой мужчина на ее чисто женские уловки, против обыкновения, никак не отреагировал.

— А что такого страшного я сотворила? — сделала недоумевающее лицо красotka и перевела взгляд на длинные ухоженные ногти. — Все идет по плану, и жизненный опыт девочки накапливается по количеству мужчин...

— Что-о?! — взревел муж, наливаясь багровой яростью. — Количеством... количеством мужчин?! Совсем с

ума сошла на старости лет?! Ты думаешь, что говоришь? Да она твоя дочь!

— Спасибо, что напомнил, — иронично улыбаясь, парировала женщина. — Смею заметить — и твоя дочь тоже.

— Да ну?! — засомневался бог, гневно прищурив черные глаза, в которых проснулась мертвящая бездна. — Прости, но мне уже в это верится с трудом. Особенно после твоего последнего откровения. Надо же! Позволь тебя спросить, любимая, так в чьих постелях ты набиралась своего... опыта?

— А об этом история скромно умалчивает, — подзадоорила богиня и состроила невинные глазки. Но, видя, что муж спешно ищет любимый череп и походную берцовую кость, исправилась: — Извини, неудачно пошутила...

Но мужчине уже попала шлея под... ну, в общем, похоже, бога смерти сильно достало самоуправство жены, и он решил показать наглядно, кто в доме хозяин. В громадном замке развернулось настоящее веселье...

Для начала божества размялись в беге и прыжках на пересеченной местности (невзирая на повсеместно рассыпанные осколки стекол и обломки утвари, замок устоял).

Йаола резво бежала впереди, высоко задрав подол и вопя во всю силу легких:

— Не виноватая я!

За ней с берцовой костью наперевес гнался супруг, изрыгая проклятия, из которых приличными оказались только предлоги и междометия. Да и то не все...

После пары часов интенсивной пробежки к супругу по неотложному делу заявился отряд его приближенных, рабов битвы. Тогда разминка логично перешла в стадию серьезной тренировки («серьезной» с оттенком «смертельно» — по отношению к воинам, «тренировки» — для Йолара). Немного поупражнявшись в многоборье, неоднократно перещупав и перемолотив в гневном противостоянии мебель и все мало-мальски движимое имущество, что уцелело до того, куча-мала распалась на две неравные части: в первой оказались отчаянные воины-слуги,

жестоко побитые, а местами еще и поцарапанные, с невероятным трудом удерживающие окончательно расшвырявшегося бога. Другая состояла лишь из одной тяжело дышащей растрепанной женщины.

— Это произвол! — заявила Йаола, переведя дух и внимательно разглядывая пострадавший туалет. Обвиняюще выставила поломанный ноготь. — Я требую пересмотра дела в свою сторону и реабилитации... с последующей компенсацией!

— Я те щас покажу! И компенсацию, и контрибуцию, и прости... Прости меня, мама! — задрал голову мужчина. — Честное благородное, последний раз сейчас ругнусь! — На этих словах рабы битвы отпустили бога смерти, решив, что Йолар достаточно поостыл.

— Да-да! — немедленно влезла супруга, неизменная опора и поддержка. — Именно что последний раз за последние несколько тысяч лет. И с последнего разу — таки ни разу! — Она согнулась, словно бегун после длинной дистанции, пытаясь немножко отдышаться и упираясь руками в согнутые колени.

— Замолчи! — заорал бог, переходя на тяжелую атлетику, и метнул в свою вторую половину берцовую кость. — Говорила мне мама: «Не женись на этой гадюке — козленочком станешь!»

Кость просвистела над головой вовремя пригнувшейся супруги, врезалась в стену и... вылетела наружу, проделав солидную брешь.

— Ослом!.. Ослом ты станешь! — прошипела богиня, с трудом разгибаясь, поворачиваясь и сокрушенно осматривая образовавшийся пролом. — Прекрати дурить немедленно, пока весь наш дом не разнес к демонам!

— К демонам?! — Глаза бога войны засветились красным пламенем ярости. — К демонам ты отправила единственную дочь! — С этими словами он задулил уже череп, который просвистел в опасной близости от головы непокорной жены и существенно расширил дополнительный выход наружу.

— Для ее же пользы и всеобщего блага! — заорала в от-

вет женщина, приходя в неменьшую ярость. — Чем тебе плохо, старый хрыч?! Вот скажи: чем, чем ты недоволен? У тебя уже два внука! Нечего жаловаться!

— От разных отцов?! — продолжила перепалка на ультратонах.

Затрясся потолок. Воины, почувствовав неладное, разжали кольцо и быстрыми перебежками устремились к спасительному пролому.

— И что?! Подумаешь! — вопила Йаола, свято уверенная в своей правоте. (Амплитуда качания центральной люстры достигла катастрофического размаха.) — Зато какой генофонд! Мужики-то лучшие из лучших, можно сказать — цвет этого мира!

С потолка посыпалась штукатурка, вибрация передалась стенам.

В это время наподобие бумеранга со свистом вернулась берцовая кость. Полетав по залу под изумленными взглядами примолкших супругов, символ власти посшибал все, что еще осталось нетронутым, отталкиваясь от величественных колонн и украшая их для разнообразия затейливым орнаментом зазубрин, затем снова вылетел наружу, отправляясь по только ему ведомому маршруту.

Внезапно установившуюся тишину нарушил странный треск, сменившийся грохотом. По каменным стенам зазмеились трещины, увеличивающиеся на глазах. Стены зашатались. Пол под ногами задрожал и начал проседать. С улицы раздались вопли: «Берегись! Замок вот-вот рухнет!» Мимо богов галопом промчались повар с поваралями и остальная прислуга.

Недолго думая Йаола быстро «закопала топор войны» и, запрыгнув к мужу на руки, гаркнула, побуждая того к решительным действиям:

— Женился — спасай, а то я тебе и на том свете покоя не дам!

Ужаснувшись грядущей перспективе, мужчина сжал вцепившуюся в него ношу и черным стремительным вихрем вымелся наружу. Как раз вовремя, ибо несправедли-

во обиженный замок надсадно покряхтел и рассыпался грудой камней, оставив клубы удушливой пыли.

Стоя на руинах, божества растерянно оглядывались вокруг.

— Ничего себе поговорили... — заметил бог войны, разжимая объятия. — Конструктивно...

— Зато теперь можно сказать: «И на обломках самовластья напишут наши имена»¹, — ответила супруга. В утешение добавила: — Ладно, чего уж там. Будем экскурсии водить, битву титанов верующим показывать. Нужно лишь приличную легенду придумать. Ну... чтобы нашу семейную ссору не упоминать...

— Да-а-а, — смог с трудом выдохнуть Йолар, с укором глядя на предприимчивую супругу. — И какую же причину ты решила донести в массы?

— Пока не знаю, — призналась та, поправляя сползшее с плеча платье, местами разорванное и грязное до неузнаваемости, — как назло, ничего патетического в голову не приходит...

— А вы скажите, что случилось противостояние между Тьмой и Светом в попытке защитить избранную!

Из-за груды камней показался новый свидетель происшествия. По длинным острым ушам, вытянутой, специфической форме лица и гордой аристократической осанке легко угадывался знатный дреу. В прошлом красивое лицо с пронзительными синими глазами изуродовали несколько страшных шрамов. Один из них, избородив левую щеку, затронул уголок глаза. Волосы дреу выглядели седыми из-за покрывающей их белесой пыли, смуглая кожа казалась обветренной.

— Вы кто? — обалдело спросила богиня, лихорадочно прихорашиваясь перед незнакомцем. — Как сюда попали?

— Да вы не переживайте понапрасну, я уже вас покидаю, — благовоспитанно сообщил невозмутимый дреу. — Можете совсем не обращать внимания. Считайте, меня уже нет. — И, сделав шаг, растворился в воздухе с дерзким

¹ А. С. Пушкин. «К Чаадаеву».

ми словами, обращенными к богу-мужчине: — Вот поэтому я и никогда не женюсь, мне столько счастья не вынести...

— Вот нахал! — возмутилась богиня.

— Умный какой... кто б мне это раньше сказал! — отозвался бог и получил недобрый взгляд супруги. — Достали уже эти Ходящие-между-мирами, — исправляясь, проворчал бог смерти и битв. — Нигде от них не спрячешься. — Задумчиво поскреб выпирающий подбородок. — И кого этот мальчик мне напоминает?..

— Понятия не имею, — рассеянно ответила Йаола, всецело захваченная подкинутой мыслью. — Но идея насчет избранной мне понравилась. Главное, чтобы нас с тобой никто не причислил ни к одной из сторон...

ГЛАВА 1

Одних мужчин хочется добиться, а других добить!

NN

Эрика

Стояла у окна, смотрела на далекие горные вершины, убеленные снегом, и, медленно шевеля челюстью, разминала речевой аппарат. Для чего? А чтобы внятно попросить принести одну штукавину, которую обычные люди зовут подушкой под спину и сидалище, а чокнутая челядь величает «нежнейшим лепестком фламаниямии, служащей для отдохновения и услады нижней части приближенного к богам туловища тьмаподобного повелителя». Честно говоря, сразу после выговаривания всего этого я точно приближусь к богам, ибо скончаюсь немедленно от заворота языка. Или мозгов.

Хотя если опираться на суждения моих прислужниц, то с умственной деятельностью у меня не просто беда, а большое горе. Милые, щебечущие по углам «пташки» с длинными ядовитыми клыками думают, что я не слышу, как они с хихиканьем величают меня «растением». Должно быть, они правы: несколько долгих лет я провела будто в тумане, без удержу гоняясь за мрачными тенями прошлого, постоянно ускользящими в коричневой дымке омертвевшей памяти. Да вот только в последнее время я поймала себя на мечтах об устройстве маленького дворцового переворота и тотальной зачистке наглой челяди как таковой.

Похоже, у «цветочка» прорезались нехилые шипы...

Мои сладкие размышления на тему революции были

прерваны пришедшей Маоэли — моей личной горничной и надсмотрщицей в одном лице. Мерзкая вредная стерва, безответно влюбленная в моего мужа. Последнее радуется особо...

Маоэли окинула меня цепким, внимательным взглядом и засуетилась по каким-то не совсем понятным моей рациональной натуре делам. К примеру, я никак не возьму в толк: на кой ляд утром ставить цветы в вазу, а вечером обрывать лепестки и выстилать из них дорожку к супружескому ложу? Вроде того — «пусть ваш путь будет усыпан розами»? Так там еще шипы прилагаются... В общем, перевод продукта, грязь от раздавленных лепестков и в качестве бонуса — утренняя головная боль...

Мне был неприятен злобный взгляд исподлобья у притворно заботливой служанки, и я вновь отвернулась к окну. Горы... Сколько лет я смотрю на них... Теперь это мое основное занятие после потери памяти, произошедшей пять лет назад.

Мрачный замок Повелителя демонов расположен на вершине высокой скалы. Из его окон открывается чудесный вид, который я разглядываю каждый день, пытаюсь хоть что-то вспомнить и обрести себя. Потому что сейчас это не я. По крайней мере, надеюсь — часть меня осталась где-то там, за горами... иначе рехнусь окончательно и бесповоротно. Просто-напросто сойду с ума.

Суровый мужчина с усталыми потухшими глазами ласково зовет меня Эрикой и кличет женой, любимой супругой. Беззаветно любит и почитает. Дарует свою помощь и поддержку. И если против имени я не возражаю, а без поддержки Габриэля просто умру, то против остального восстает все мое существо...

Существо... существование... сущность. Иногда мне кажется, что нас двое: «я» внутри и «я» снаружи. Та, что снаружи, ничего не чувствует, безгласна, безучастна и холодна. Та, что внутри, постоянно мечется в замкнутой клетке из плоти и крови, рвется в сетях вен и жил, неустанно ищет выход наружу...

Кто я? Как мне соединить две половины?

Моя жизнь возникла из ниоткуда и утекает в никуда... Мне кажется: соединив все осколки воспоминаний и сложив недостающие части мозаики, я обрету себя. Вот только там глубочайшие провалы. Ваза моей сути разбита. Как ее склеить?

Что я помню? Практически ничего...

Вспышка... и первая встреча с мужем. Тонкое, необычное лицо Габриэля со странными глазами. Жадное, я бы сказала — голодное выражение раскосых глаз при взгляде в мою сторону. Он его пытается скрыть, этот лютый, рвущийся из глубины голод. Но мне, женщине, заметно и понятно хорошо знакомое чувство отчаянной надежды. Не могу понять лишь свой иррациональный, необъяснимый страх в ответ...

Снова вспышка... Какая-то праздничная церемония. Зачем я тут? Скользкие, неудобные одежды. Стягивающий, словно маска, толстый слой грима. Сложенные лодочкой ладони у моего лица. Просящий взгляд — и опять ожидание. Безмолвный ужас охватывает меня, ужас и отвращение... все смывается хлынувшей из его глаз болью.

Провал... и первая ночь после нашего возвращения из храма. Ласковые, нежные руки любящего мужчины, пылающего страстью, — и ни малейшего отклика в моем сердце. Только холод и телесная боль. Не понимаю — почему, ведь замужем я за Габриэлем, по его словам, давно. Больно было не одному телу, мучилась моя душа, словно ее насильовали.

А есть ли у меня душа? Есть... наверное... если она так страдает и терзается.

Мне действительно муторно. Пуще всего меня гнетет мысль, что я не могу заставить себя любить Габриэля и сохранять ему верность. Хотя он — единственный, для кого я живое существо. Все прочие полагают меня безмозглой куклой для церемоний и неким священным сосу-дом для рождения и вынашивания детей. Всего лишь.

Демонстрируя показное почтение и расточая глубокие поклоны и фальшивые улыбки, более похожие на злобный оскал, в сторону нелюбимой императрицы, поддан-

ные моего мужа втихомолку выливают ушаты презрения — и правильно, ведь я не демон. Каждый придворный, будь то аристократ, простой чиновник или воин, считает своим долгом исподтишка уцепить и всячески указать мое низшее место в иерархии правящего Дома. Делают это походя, с удивительным изяществом и неизъяснимой тонкостью, даже можно сказать — изысканностью. И лишь Габриэль, с его исключительным благородством, приходя домой, одним своим присутствием разгоняет мерзкое воронье и дает возможность дышать...

Но здесь я вру самой себе... В последнее время моя способность испытывать чувства восстанавливалась, и безучастность все чаще сменялась душевным теплом и даже тягой к Габриэлю. Возможно, в будущем я смогу научиться его любить. Надеюсь...

— Ваше императорское величество! — завела надоевшую шарманку Маоэли. — Как вы могли позволить себе столь вопиющее неуважение к дворцовому кодексу и не посчитать правильное количество шпилек у вас в прическе. Их должно быть ровно тридцать три штуки!..

Ага! Воистину правильно говорят в народе — «тридцать три несчастья»! Ровно тридцать три... И моя голова будет стучаться об стол с завидной периодичностью, потому что к тяжести золотых шпилек с драгоценными камнями нужно приплюсовать еще по букетику цветов на каждой, плюс золотую сеточку на волосах, цепочки и повседневную диадему... Кажется, когда-то я уже возмущалась по этому поводу?

— ...Иначе вы накликаете на нас беду и лишите себя плодовитости и супружеского счастья...

Если я правильно припоминаю историю императорской правящей семьи, которую в меня вдальбивали тяжкие пять лет, то мужики тут верностью особо никогда не страдали. Видимо, количество шпилек никак не влияло на их способность сходить налево, а может быть — даже тайно способствовало! Ведь если на такую штуковину сесть... то после того, как отскребешь себя от потолка и закончишь словесные выкрутасы, точно уйдешь куда пода-

льше от растяпы с тридцатью тремя острыми заколками... для счастья...

— ...Ваше императорское величество, соблаговолите немедленно привести себя в порядок и встретить супруга в надлежащем виде! — закончила нудную нотацию демонесса, а передо мной неожиданно возник образ синих сердитых глаз.

М-дя-а-а, моя тюремщица явно полагает, что я сейчас рысью метнусь к туалетному столику и разрешу ей вколотить в голову недостающую пару десятков миниатюрных вилок. Да, щас! За последнее время я серьезно укрепила свой интеллект упорными занятиями и поглощением неимоверного количества этой мерзкой зеленой кашицы для улучшения памяти. Результат заметен — я хорошо запомнила, что меня одинаково сильно тошнит и от дерева с названием «что-то белолоба», и от моей прислуги. Деревья пилить я не буду, все ж таки родная природа, а вот насчет служанок не уверена...

Повернувшись к ней, я выпрямилась, запрокинув голову назад, изящным жестом приподняла одну бровь, сложила кончики указательных пальцев перед грудью и, облив демонессу ответным ядовитым презрением, завела подходящий случаю заунывный речитатив:

— О ничтожная, недостойная моего высочайшего внимания прахоподобная ослица, испытывающая мое высокородное и неземное терпение, ползающая у подножия моего полубожественного трона и сопящая в две дырочки! — (Это уже от себя, но по смыслу подходило!) — Как смеешь ты указывать мне, столь прекрасной, подобной легчайшему лепестку цветка, сравнимой красотой лишь с небесными светилами, затмевающей свет солнца днем и украшающей лунный блеск ночью?! — (Может, стоит вернуть про фонарики?..)

Маоэли от изумления широко распахнула узкие глазки, чем навела меня на следующую мысль:

— Разуй глаза, о недостойная помесь ишака и гиены с носорогом, и внемли мне! — (Что за чужь я несу?)

Горничная икнула и начала медленно оседать на пол,

этим лишь укрепив меня во мнении о правильности происходящего.

— Да, ползай у ног моих, собирая гнев мой на свою дубовую голову (заодно и полы протрешь от мерзкой цветочной кашицы), и страшись заслуженного наказания, что понесешь ты за дерзость немедленно...

Демонесса окончательно растерялась и выползла за дверь на четвереньках, трясая головой и пытаясь развести съехавшиеся к носу глазки. Проводив ее и не переставая нести бред в том же духе, я бдительно проследила, чтобы она двигала в нужном направлении. И под конец захлопнула дверь со словами:

— А если, отчаянно горя о заслуженно постигшем тебя, ничтожную мятежницу, наказании, ты искренне захочешь произвести ритуальное самосожжение или там сделать пару лишних надрезов в организме — то я возражать не буду! Лишь бы сие происходило подальше от моего светлейшего императорского величества и священных царских покоев!

Немного постояла, уставясь на дверь, как тот баран на ворота, и потопала к зеркалу. Я уже несколько месяцев тренировалась надевать маску дурочки без проблеска мысли в глазах. Уж очень Габриэль, бедняжка, расстраивался, когда во мне обнаруживался хоть какой-то намек на разумность и способность ясно осознавать и мыслить. Вот чтобы его лишний раз ненароком не расстраивать, я и училась приходить в состояние неодушевленного манекена с фарфоровой улыбкой. Ну или казаться таковой. Мне не жалко, и ему приятно.

В наших отношениях вообще было много неясного и непонятного. И не только в отношениях. Вокруг всего, что касалось императрицы, то бишь меня, царица тайна, покрытая мраком, и мне до неудержимого зуда в руках и дрожи в коленках хотелось сорвать завесу с произошедших пять лет назад трагических событий и понять, что или кто довел меня до подобного существования. И если виновника можно найти, то мне бы непременно хотелось с ним пообщаться, тесно и с привлечением всяческих

прижигательно-крюковидных железных инструментов, в основном используемых у нас в районе подвальных этажей.

Слава богу, мне хоть в последнюю пару месяцев выделили немного личного времени на общение с самой собой. Ага, видимо, как самой умной в своем окружении... Но это я отвлеклась.

Сделала тупое, безучастное лицо. С первого раза не получилось. Мышцы перекосило, и я сейчас скорее напоминала меховую игрушку-шимпанзе в брачный период, чем куклу Барби в свободном простое. Хм, интересно, а кто такие «Барби» и «шимпанзе»? Крутится что-то такое в голове, а вспомнить не могу. Даже обидно. Спрашивала как-то у служанки, так та потом минут пять делала знаки, отвращающие сглаз и порчу, и вскоре убежала капать на меня Повелителю. Больше не спрашиваю. Очень супруга жалко. Из-за подобных мелочей он психует и страшно потом нервничает.

Подмигнув собственному отражению, я пробормотала: «Эк тебя жизнь покорежила!» — и ударилась в воспоминания...

Первый год супруг не оставлял меня одну: должно быть, боялся, что выброшусь из окна в океан, пытаюсь избавиться от гложущей душу тоски. Успокоился лишь тогда, когда родился Алиаль, мой маленький зеленоглазый демон с серебряными волосами.

Мысли немедленно перескочили на ребенка. Сынишке уже четыре года, и долгое время лишь он один мог заставить меня выйти из душевной нирваны и почувствовать себя живой. Хотя... подчас я смотрю в его чудесные детские глазенки, и меня преследует назойливое чувство, что когда-то я точно такие уже видела. И если раньше, стоило ему только обхватить мою шею ручонками и пролепетать: «Мама, мамочка!» — я забывала обо всем, то теперь все чаще приходят вопросы, на которые мне никто не дает ответа.

Снова всплыло в памяти крепко засевшее незнакомое имя... Максим Исаев, он же Штирлиц... Не помню точно,

кто это, но, кажется, ему приходилось не легче, нежели мне... Я — лазутчик без памяти и без средств связи с внешним миром, вынужденный работать в нечеловеческих условиях и при этом оставаться на уровне ветерана амёбных сражений. То есть — дуры, но хорошо сохранившейся после давних исторических событий.

Никак не могу придумать, как бы урвать больше времени для сына. Берет досада: почему-то все знают лучше меня, что ему нужно и как ребенка следует воспитывать. Причем меня, его мать, о методах воспитания в известность вообще не ставят. Точно! Зачем на меня, понимаешь, силы тратить?! Если даже его отец не позволяет нам много общаться, мотивируя тем, что сын — будущий Повелитель. Видите ли, Алиаль должен с рождения учиться повелевать и управлять страной, якобы именно поэтому отец забирает его с собой! На мои протесты Повелитель всегда кратко отвечает: «Так нужно!» Кому «нужно»? Мне?! Четырехлетнему сыну?..

Воздух вокруг меня заискрился. Волосы, до этого тщательно уложенные в высокую церемониальную причёску, начали шевелиться и потрескивать. А вот нечего злить жену демона! И плевать, что снаружи я светлая эльфийка! «С кем поведешься, того и наберешься!»

Ой, мамочки, а пословицу я откуда выкопала? Она уж точно не демонская. Тут так откровенно не выражаются. Во всяком случае, в кругах демонской аристократии, в которые я по божественному недосмотру и дьявольскому поущению случайно попала.

— Ну вот, опять весь маскарад обнулила! Актриса погорелого театра! — выругалась вполголоса и прихватила со столика расческу. И кто меня за язык тянул? Вот зачем, зачем было «палиться» со служанкой? М-да... И с какой дури мне слова такие загогулистые в голове попадаются?

Как же мне докопаться до истины? Где нарыть нужную информацию? Эх, Интернет бы... А что это?.. Новый вид магии? Черт! Как мне разморозить свои мозги и сложить мозаику из разрозненных фактов, если меня не допускают до библиотеки, и я, как призрак сайта, вынужде-

на таскать оттуда книги по ночам, вовремя выдергивая хвост из многочисленных магических ловушек?

Так... что такое «сайт», я тем более ломать мозги не буду...

Наша жизнь тошнотворно размеренна и проходит в своеобразном уединении. К нам уже давно не приезжают гости, особенно — иностранцы. Габриэль принимает иностранные посольства и одиночных иноземцев в другом месте. Он сократил в замке численность прислуги, оставив лишь самых преданных и проверенных. В страхе перед гневом правителя никто из них со мной старается не общаться, отделяваясь лжепочтительными фразами: «Как прикажет Повелительница! Как будет угодно Повелительнице!» Даже мои личные придворные дамы.

Как же, как же... угодно! Ага. Три раза. С четвертью.

Сволочные демоны не отвечают на мои вопросы, справедливо опасаясь Габриэля, способного прийти в ярость от одного намека на произошедшую трагедию. Демон объясняет свое более чем странное поведение тем, что один раз он меня чуть не потерял — мол, впредь он не повторит ошибки.

Ничегошеньки не понимаю. С каких пор болезнь — ошибка? А ведь именно такова официальная версия.

Мое состояние действует на него угнетающе, но, когда я начинаю умолять рассказать о моем прошлом, Габриэль всегда нервно уходит от ответа. И почему мужчины традиционно недооценивают женщин? Ведь ясно же видно — лжет! Так и не знаю до сих пор, отчего я потеряла память на самом деле. Болезнь? Падение? Испуг? Вражеская атака?.. Муж-демон не хочет отвечать. Почему?!

За эти годы скопилось слишком много вопросов, оставшихся без ответа. Но спрашивать бесполезно: промолчит. Вывернется, ловкий гад, и взамен засыплет меня ворохом богатых подарков, ничуть не задумываясь: куда я все это дену и смогу ли использовать вообще?

Вот смысл задаривать меня эльфийскими драгоценностями, если демонский наряд их не подразумевает? У меня уже скопился достаточный золотой запас, чтобы

облагодетельствовать страны третьего мира. Ну, там, где дети недоедают...

Или к чему мне тысяча дорогих златотканых нарядов такого веса, что меня в них разве что таскать на носилках можно? Носилок, замечу, к этому не прилагалось. Я тут попробовала заикнуться о том, что если мне не положено стационарной переноски, то могу ли я отхватить парочку мускулистых мачо в набедренных повязках? После моего вопроса дня два императорский дворец ходил ходуном — Повелитель искал набедренные повязки и выяснял, кто мне поведал о других мужчинах.

Мужская душа — потемки! И, тихо добавлю от себя, — беспросветные. И эти умники считают меня глупой? Лучше б на себя смотрели... Иначе как объяснишь следующее...

Вот какой му... дрый советник подсказал моему мужу идею задарить меня драконьими духами? Естественно, мы ж, Повелители, мензурками не дарим, мы ж сразу бочку выкатываем!

Только вот по чистой случайности затычка на той бочке оказалась неплотно притертой... Теперь наш дворец благоухает концентрированными, невыветриваемыми и несмываемыми духами! Придворные ввели в моду полотняные маски, а кто стыдится личико прикрыть, тот бьется в аллергических судорогах на третьей минуте пребывания в особо удобренных местах.

Про ядовитую зверушку в качестве домашнего любимца, подаренную к моему дню рождения, я скромно не упоминаю вовсе. Потому что это попадает под категорию «нецензурно»...

Оказывается, каждая уважающая себя Повелительница просто обязана иметь в наличии хотя бы одну штуку смертоносной гадины. Я вообще-то была согласная в данном случае себя не уважать... Но увы! Моего мнения не спросили, когда всучили на какой-то из многочисленных церемоний-вечеринок миленький пушистенький комочек, оснащенный скорпионьим хвостом и жуткой оскаленной мордой, с которой стекало что-то ядовито-желтое

и пузырящееся. Там, куда эта субстанция попадала, оставались дымящиеся и обугленные черные пятна, и мне как-то сразу расхотелось вот это иметь в домашних любимцах.

Пришлось прибегнуть к извечной женской смекалке...

Получив сей дивный подарочек в золотой клетке, уже наполовину переваренной, я взяла в руки церемониальный жезл Повелителя, продела в кольцо на клетке и, держа на вытянутой руке, тыкала в придворных, задавая один и тот же вопрос:

— Погладить хотите?

Добровольцев не нашлось, но отказать безумной императрице тоже никто не решился, тем более что на троне восседал Габриэль и очень снисходительно поглядывал на мои легкие шалости... Когда поголовье придворных снизилось почти на треть (в основном тех, кто втихую меня доставал «не по-детски»), зверюшку отобрали, клетку выкинули, жезл отнесли в починку, а правительницу с многочисленными поклонами, живенько вернули на законное место.

Больше мне таких подарков не дарили...

Каждый раз, когда приезжает гонец с границы, Габриэль впадает в бешенство и несколько дней крушит дворец. Можно подумать, его без наркоза в области паха режут или у него прямо здесь и сейчас враги сожгли родную хату... Отчего его настолько раздражает упоминание о других расах, что он способен уничтожить спросившего? В чем причина подобного гнева? И почему гнев этот утоляется исключительно в моей постели? Ага. Облапит меня со всех сторон и спросонья фаерболлами на звук кидается. Звуковая, шумовая и световая сигнализация. Надоело уже. В «комнату отдохновения» ночью страшновато ходить: вдруг шариком случайно догонит? Испепелит ведь ненароком — и до утра не заметит! Буду лежать черной сиротливой кучкой пепла и прикидывать перспективы на будущее... Вот только не надо ля-ля! Версия — «от большой и страстной любви» — на мой взгляд, как-то не канает. Хей, а это слово откуда взялось?

Вокруг замка постоянно дежурят посты стражи, отгоняющие диких зверей. Объясните мне, глупой женщине, эту странную предосторожность! Чем грозят семье императоров-демонов хищники за внешними стенами замка? Да на нас такие защитные артефакты и мощные заклятия повешаны, что за сто лиг пепел — и тот не долетит!

Нет, я, конечно, попробовала митинговать в защиту дикой фауны и для этого даже припахала местную флору! Очень, знаете ли, эффектно получилось! Но до наших убогих умом демонов не дошло абсолютно. Где ж им, недалеким созданиям, начисто лишенным ассоциативного мышления, понять мой тонкий художественный замысел, когда я на фоне свечеобразных кипарисов, символизирующих партию «зеленых» и чистый воздух, демонстративно попыталась сжечь императорские меха! Вместо того чтобы встать на защиту окружающей среды, эти придурки решили, что я устраиваю ритуальное самосожжение (ладно, пусть я богом по голове битой приглаженная, но не настолько же!), и они тут же скрутили меня в дулю! Мало им было спеленать благородную даму ее же рукавами взамен смирительной рубашки, так еще и наябедничали Повелителю. Последний мгновенно нарисовался и долго смотрел на меня укоризненным взглядом любящего папочки, вызывая жгучее желание удавиться на первом суку или хотя бы поковырять носком обуви травку до уровня метро и покаянно прошепелявить: «Чес слово, больсе ни-ни!».

А что такое «метро»?

И почему мне запрещено покидать пределы дворца, но ни одной даме или служанке не предъявлено подобных ограничений, и они шастают телепортами туда-сюда по всей стране, и не только?.. Челноки, блин горелый! Ну как мне тут было не попытаться удачи? Ведь любопытство не просто замучило — оно меня сожрало заместо тли и даже не подавилось, окаянное!

Сделав вид, что я не я и физия не моя, попыталась тихой сапой всунуться за Габриэлем в открытый телепорт. И была безжалостной рукой отправлена обратно, словно

бандероль без указания адресата. Что тут бы-ыло... Слава богу, он мне черепашку не вскрыл, хотя по его милому и доброму клькастому лицу, особенно — по пылающим рубиновым светом глазам, становилось очевидно: хотел! И сильно хотел! Уточнять, что конкретно ему желается и как он собирается достичь результата, я не стала. Скромность не позволила. Я свела глаза в кучку, вытянула руки вперед и притворилась: «Иду на Альфу, иду на Альфу...» Наказывать не рискнул, просто запер на неделю в комнате.

Наи-и-ивный!.. Там же везде широкие карнизы...

Когда меня восьмой раз сняли с третьего этажа — а моя комната расположена на пятом, — посчитали рецидивисткой со стажем и упрятали за решетку. В смысле мои окна украсились художественным чугунным литьем в завитушку, призванную изображать выющиеся растения. Сделала вид, что поверила, и нашла другой выход наружу...

В замке демонов прекрасная вентиляция за счет широких и хорошо прочищаемых дымоходов. Туда-то я и полезла... с горя... от ума. Когда выпала оттуда в зале заседаний, где в это время совещались главы всех Родов, наступила та-акая оглушительная тишина... Встав на ноги с четверенек, я незаметно отряхнула налипшие копоть и сажу, подняв небольшое облако, и элегантно проковыляла к Повелителю (вообще-то нужно было сваливать в другую сторону, но у меня началась дезориентация в пространстве, вот и поперлась куда ни попадя!).

Приветливо помахав ручкой и поздоровавшись со всеми присутствующими высокородными лордами:

— Гутен морген! — шлепнулась на соседний трон рядом с Габриэлем, застывшим от неожиданности, и, подерживая достойный имидж, обвела зал безумными очами. Типа кто тут хочет вякнуть не по делу?..

Позаседать мне, правда, в тот раз не дали. Повелитель объявил, что совет переносится на другое время, и лично отнес в ванную, как он выразился, «отмывать от лишней грязи». Каким образом он определял, где лишняя, а где необходимая, — я не уточняла, просто, закрыв глаза, бал-

дела в теплой пене и делала вид — дескать, не в себе. Вышла погулять, и когда вернусь — никто не знает.

Мои выходы спокойно сходили мне с рук. Все во дворце уверены в моей неменяемости, и даже если я станцую стриптиз посреди торжественного обеда и при этом грязно надругаюсь над государственными символами власти — лишь слегка пожурят и отправят в свою почивальню отбывать новый срок, совмещенный с трудотерапией. Сунут пальцы в руки — и давай, изображай Золушку с утра до вечера. МНЕ! Да я швейную иголку от нитки еле-еле отличаю, и то не с первого раза! Но это они поначалу были такими наивными, потом, присевнадцать раз на оставленные в креслах и хаотично замаскированные подушечками воткнутые иголки, больше не приставали со всякими народными промыслами. Видимо, других поденщиц нашли для получения незаконной прибыли...

Кстати, еще одна странность, не дающая мне покоя! Как так случилось, что после несчастья куда-то запропался весь мой гардероб и его пришлось заказывать заново? Погрызли мышки оголодавшие? Сожгли из-за инфекции?.. Почему первые несколько месяцев я путалась в узком подоле непривычной шелковой юбки и прочих местных одеяниях, как будто не умея их носить?.. И при том абсолютно уверенно чувствуя себя на каблуках!.. Великая вещь — каблуки! Надела — почувствовала себя высокой и обалденно красивой! Сняла — почувствовала себя просто счастливой. А уж если врагу ногу отдала каблуком... то вообще... нирвана!!!

Во избежание непредусмотренного царского травматизма мне привезли простые наряды без всяких наворотов и только на праздники впихивали в церемониальные одежды. И правильно! Если я уже на голову скорбная — зачем мне еще и руки с ногами ломать?! Перебор!

Почему, почему, почему... Сплошные, бесконечные «почему», остающиеся без ответа. Габриэля раздражает, когда я его настырно расспрашиваю. Он предпочитает, чтобы я раскрыв рот слушала его рассказы. Неважно о

чем — о горах, демонах, сказки, легенды, волшебные истории... Но! Никогда о делах и проблемах! Не женское это занятие.

Воздух вокруг уже не просто наэлектризовался, но начал постреливать мелкими искрами. Так...

— Быстро взяла себя в руки! — глядя в свои глаза, отражающиеся в зеркале, командовала самой себе. Заработала мышцами щек, поворачивала глазами, сдвинула вниз уголки губ, которые упорно ползли вверх. — Подпустила шизы, выдала дурнинку во взоре... Я сказала — дурнинку! Маленькую, а ты от счастья целый состав туда вывалила! Вот, теперь хорошо!

М-дя... командовать хорошо, выполнять ку-уда хуже! Моя кипучая натура требует постоянной деятельности. А мне вот остаток дня придется сидеть практически неподвижно и добросовестно изображать дебилку с анамнезом в километр.

Сдула упрямую прядку, упавшую на глаз, и поведала своему изображению по причине отсутствия других мудрых и приятных собеседников:

— Хочется завывать на луну, подобно одинокому волку.

Ассоциировать себя с хищником было невероятно лестно, но абсолютно некорректно. Пришлось со вздохом признать:

— Да и какая из меня волчица... скорее, ушедшая в партизаны собака. Ага! Чиха-суа или что-то в этом роде...

Нужно прекращать измываться над собой и над окружающими и начинать играть опостылевшую роль. Отчего, вместо того чтобы радоваться моему пробуждению от медвежьей спячки, Габриэль мрачнеет от любого моего проявления интеллекта? Ему со мной в обществе стыдно, я сто раз замечала. Так отчего?..

Может, мое шило в седалище — вредоносное последствие болезни? Как и внезапный проблеск ума?

Бедняга Габриэль осознанно женился на непроходимой дуре, а болезнь подсунула ему неожиданный подарочек? Придурковатая женушка благородно оттеняла его высокие моральные качества... к примеру, хм, глубокий

ум, эрудированность и начитанность... А тут внезапно дура стала умнеть? Вопрос: почему я дура непроходимая? Ответ простой — Габриэль никогда мимо не пройдет, всегда зацепится за колючки выдающейся тупости!

Я вскользь оглядела мрачную комнату в красно-серых тонах, обставленную черной тяжелой мебелью. Габриэль много раз предлагал мне переделать все по своему вкусу, но вся проблема в том, что у меня нет вкуса. Умер. Усох вместе с памятью и мозгами.

И нет ни малейшей охоты трогать что-либо и работать здесь в сторону созидания. Скорее, есть горячее желание покрошить сие великолепие на лучину для растопки. Если начну проявлять дизайнерские наклонности — дворец придется отстраивать заново. Демоническое самодержавие мне этого вандализма не простит...

А если честно... Преследует стойкое ощущение... императорский дворец для меня словно зачумлен. Противно к нему прикасаться, будто к слизкой жабе. Может, его как-нибудь поджечь понадежнее? Мне и это сойдет... и никому в голову не придет, что сие знаменательное событие могло быть неслучайным...

Пока я рассеянно оглядывалась по сторонам, в комнату влетела насмерть перепуганная служанка с белыми всклокоченными волосами. Они здесь все такие: смуглые, беловолосые, с черными или карими глазами, и только Повелитель может похвастаться добавлением в прическу ярко играющих на солнце серебристых прядей. Наследственное отличие правящего Дома. Служанка... Лиайя, кажется... громко подвивая, упала предо мною на колени и, методично биясь головой об пол, стала бестолково тыкать пальцем в сторону двери. Сердешная лопотала:

— Там... Повелитель там... Вам туда... Драконы...

Я оживилась.

— Драконы? У нас в гостях?

Исключительное событие. Русалка точно села на шпагат. Жалко рыбку... Интересно, где Габриэль? Куда он подевался? Ничего не понимаю...

Служанка выла будто безумная, и добиться нее чего-то внятного было невозможно.

Устав задаваться бесполезными вопросами, я кивнула зареванной девушке и приказала:

— Веди.

ГЛАВА 2

Быть хорошим — себе дороже, быть плохим — дороже другим!

Степан Балакин

Габриэль, Повелитель демонов

Промозглая погода в это время сулила холодную бесснежную зиму. Низкое свинцовое небо-Отец спрятало глубоко в себе обложные тучи. Те от досады рассыпались на Мать-землю мокрой изморосью, которая незаметно проникала в каждую пору одежды редких прохожих, заставляя тех кутаться в плащи и накидки и стремиться поскорее к домашнему камельку. Предштормовой Дедушка-океан с силой бился о берег, выгрызая целые куски скал и навевая грустные мысли о бренности всего сущего.

В нашем королевстве тоже не все было благополучно. Над высоким семярусным замком громыхал гром и сверкали молнии. Дворянство грохотало железом и брызгало недовольством. Слуги скрылись по углам и темным закоулкам, надеясь тихонько, без особых последствий пересидеть господский гнев. Охрана в броских шелковых одеждах, с пиками и кривыми саблями на боку должна бы внушать страх одним своим видом, но весьма трудно это делать, не имея в себе необходимой уверенности выстоять против превосходящих сил противника.

— Она не может стать женой Повелителя демонов! — В тот день, как только я покинул комнату Эрики, отныне своей официально признанной невесты, мое внимание атаковали лорды-демоны, главы наиболее влиятельных Родов.

— Почему? — Мой холодный тон мог заморозить море. Лорды понятились. — Вы собрались мне запрещать?.. Вы

осмелились?! — Я оскалился, демонстрируя клыки. Глаза застила лиловая пелена ярости, на сгибах крыльев выдвинулись кинжально острые длинные когти.

Лорды, зная мой бешеный нрав, не стали дожидаться немедленной расправы и ударились в позорное бегство.

— Мой луноликий император, повелевающий сердцами своих подданных... — Вперед выползла престарелая советница-кицунэ¹ в скромном темно-синем кимоно. — Повелитель, дозвоьте поговорить с вами наедине.

Знают, сволочи, кого подослать! Просьбу старой жрицы отвергнуть я не мог. Она моя кормилица, та, кто в юности заменил осиротевшему демоненышу родную мать. Кажется, предстоит тяжелый разговор.

Мы зашли в личные императорские покои. Кицунэ осветила полутемную комнату волшебным жемчужным шаром, закрывая от обычного и магического подслушивания.

Я раздраженно спросил:

— В чем дело?

Старушка пала на колени и прижала мою руку к своему сердцу. Девять хвостов ее поникли.

— Господин мой солнце ясное, не велите казнить, разрешите своей ничтожной служанке слово молвить.

Моя приемная мать использовала старинный сверхвежливый оборот, максимально принижающий говорящего. Мне ничего не оставалось, как терпеливо выслушать.

— Говорите...

— Умоляю вас, отпустите эльфийскую девушку, тут ей не место! — На меня уставились потерявшие зоркость мудрые лисьи глаза. — Даже если вас поразила ядовитая стрела неудовлетворенной любви, молю вас: утолите запретную страсть и немедленно расстаньтесь с нею. Эта девушка пришла сюда всем на горе.

— Почему вы так решили, уважаемая Инари? — медленно спросил я, поднимая с пола почтенную демоницу и

¹ Кицунэ — на одном из многочисленных местных диалектов — лиса-оборотень.

подавляя в себе порыв возразить ей. Я всегда прислушивался к разумным словам наперсницы матери и никогда не жалел об этом.

Старуха поклонилась:

— О мой император... Я три раза по семь бросала деревянные палочки. Всякий раз выходило, что к вам придет великая любовь, а с ней большое зло, — печально поведала кицунэ. И взмахнула хвостами в знак подтверждения.

Да, веская причина для беспокойства. Гадания Инари были всегда поразительно точны. Видит Темнейший, обязательно послушался бы мудрого совета, если бы не... Я тяжело вздохнул.

— Наверное, вы правы, милая кормилица, но с этого пути мне не свернуть. Она не просто пища или девушка для удовольствия на один день, она моя Судьба, — честно признался единственному демону, которому мог доверять. — Взгляните сами, уважаемая матушка! — мягко указал на толстую нить зависимости, обвивающую мою эфирную оболочку.

— Ой! — испуганно воскликнула рыжемордая и в ужасе прикрыла пасть рукой.

— Помолитесь за меня духам предков, чтобы я обрел мужество вновь стать кормчим своей судьбы, а также нашел силы перенести любые испытания, — попросил я старушку.

— О-хо-хо! Беда! — загрустила желтоглазая Инари. — Да охранит вас Темный демон! Я воскурю благовония на его алтаре. — Сотворила надо мной знак благословения, отвращающий неприятности. — С вашего позволения, возьму на себя смелость сообщить новости советникам и скромно попытаюсь предупредить возможные беспорядки. Искренне желаю вам счастья. Господин, как зовут будущую мать ваших детей?

— Эрика, — тихо шепнул я. Кормилица с ее лисьим слухом обязательно услышит.

Да уж! Если кому и под силу избавить страну от смуты, вызванной недовольством невестой, мало подходящей для правителя, то только ей, обманчиво немощной и бес-

помощной старой лисице, держащей весь мой двор в крепких лапках интриг и утонченной хитрости.

Старушка исполнила данное обещание. Лорды скрипели зубами, кривились, но терпели. Даже — поразительное достижение лисьей дипломатии! — сдержались и не наговорили беспамятной эльфийке гадостей в день бракосочетания.

И мы с Эрикой поженились. Торопясь закрепить свои призрачные права, я убедил робкую, испуганную женщину, что для возвращения утерянной памяти ей жизненно необходим ритуал поклонения богам. В присутствии всех глав Родов, при полном стечении радостного народа я ввел невесту, одетую в богатые праздничные одежды, в столичный храм Йолара, обманом заставив Эрику пройти брачную церемонию. И под угрозой мучительной смертной казни всего Рода запретил кому-либо прояснять смысл ритуала или поздравлять вслух молодоженов.

Это только у друу или эльфов при заключении союза происходят чудеса. У нас намного проще. Невесту вообще никто не спрашивает. Единственное право и обязанность новобрачной — поклониться будущему супругу, богу и духам предков, дать себя умыть набранной из Священного источника водой из ладоней мужа и в свою очередь омыть его лицо, руки и стопы той же водой. Все. Никаких тебе костров, тамтамов и богоявлений. В этом смысле мы обходимся без фейерверков.

Ну насчет салюта я, пожалуй, погорячился. Скорее, неудачно сформулировал — фейерверки-то как раз будут, на радость детворе и на потеху бедному люду. Мы любим праздничные ночные салюты и придаем им огромное значение. Это умиротворяющая благодарность духам стихий и единственно подходящий свет, принимаемый как подношение нашим пращуром — Демоном тьмы. Другое дело, что боги обычно храмы демонов вниманием не жалуют. Даже тот, кому мы испокон веку поклоняемся, — супруг Светлейшей, грозный Йолар.

Да... Ничего не понимающая Эрика оказалась легкой добычей. Вот только я стал по вине богов самым счастли-

вым и самым несчастным, самым богатым и самым бедным существом в целом подлунном мире. И я жуткий, бессовестный лжец. Если демоны по праву считаются королями лжецов, то в этом случае я король королей, потому что я — правитель демонов-лжецов.

В нашем мире самые фанатичные поклонники родовой чести и пути воина — дроу, почитатели природы — светлые эльфы, наилучшие ремесленники — дворфы, мастера магии и воздуха — драконы...

Мы — беззастенчивые лгуны, морфы, имеющие тысячу обличей, самой природой предназначенные для того, чтобы дурить головы простым смертным. Давая отпить противоядие Эрике, я искренне рассчитывал впоследствии удачно манипулировать ее пошатнувшейся памятью, играть сознанием не уверенной в себе женщины до тех пор, пока не удастся приручить ее. Внушить смертной: ее место тут, рядом со мной. Единственное место, которое она может занимать.

Горький смех рвется сквозь сцепленные зубы. Я перехитрил самого себя.

После выпитого лекарства... *это* не было Эрикой! Ее голос, лицо, глаза — все ее! Но лишь внешний вид. Внутри же не осталось ничего... выжженная пустыня, говорящее растение. Но и такую, малопригодную для моей обильной кормежки, слабую, больную и сломленную — я безрасудно любил ее. Нуждался в ней. И не смог полностью отказать от необходимого питания и некоторых других радостей супружества, казня сам себя ежечасно, потому что отлично понимал: заставив ее лечь с собой в постель так скоро после родов, совершил преступление даже по меркам демонов. Слишком боялся потерять. Надеялся привязать ее дремлющую душу крошечным ребенком.

Не помогло.

Я устал, безумно устал ждать того дня, когда Эрика все вспомнит. Сколько можно находиться в гнетущей тревоге, с ужасом встречая каждый день? Уговаривать себя надеяться на лучшее, в то же время понимая: она уйдет, как

только память вернется, уйдет немедленно. Потому что и сейчас, в беспамятстве, ее душа рвется к дроу.

Чем ты лучше меня, сволочь? Чем, Дарниэль?! Почему Рика не забыла свою любовь? Я ненавижу тебя, дроу, одна только Бездна знает, как же я ненавижу тебя! Завидую и ненавижу! Одним своим существованием ты отбираешь те жалкие крохи счастья, которые мне могли случайно перепасть.

Видят боги, я старался сделать ее счастливой! Так старался, как ни один из смертных. Но все усилия оказались бесполезны: душа Эрики словно находилась далеко-далеко, и мне не удавалось до нее достучаться. Уверенно полагая, что за пять лет эльфийка привыкнет и смирится, я жестоко ошибся. Причем дважды. Самонадеянный дурак! Второй серьезный промах в своих планах я допустил, не включив в расчет жестокие обычаи демонского двора и... себя самого.

Я настолько привык к ней как постоянному источнику энергии... теперь вообще не могу представить себя без нее и золота ее ауры! Меня рвет на части безысходность. Надежда на ее выбор в мою пользу умерла. И как ни горько сознавать, но я ошибся, полагаясь на свои силы. И все равно она моя! Моя! Как мне отпустить ее, отдать другому? Как?!

Я мечтал, что нас свяжет сын, мой наследник, мой Алиаль, удивительный демон, которому не нужна энергия: в нем соединились моя темнота и ее свет, он совершенен. И опять обманулся — я не нужен Эрике. Ни разу не назвала она меня мужем, ни разу не зажглись ее глаза любовью при виде мужа, ни разу не коснулась губ счастливая улыбка. Исчезла искренняя, открытая девчонка, ей на смену появилась мраморная статуя без памяти и желаний. Молчаливая тень, которой безразлично, есть ли я рядом или нет, которая стремится туда, где осталось ее сердце, и ей нет дела до меня, жалкого пленника ее сияющей души.

Иногда мне хотелось бить ее, хлестать плеткой, рвать крючьями, чтобы место радостей любви заняли стоны унижений. Пусть даже так — все лучше мертвого равно-

душия. Но я не смог ударить мою Эрику. Рука не поднялась тронуть беспомощного и растерянного ребенка, с ужасом смотрящего на чуждое демонское окружение.

Она стала чахнуть. С немалым запозданием я отчетливо понял: жизнь среди коварных, хитроумных демонов — не для солнечной эльфийки.

По ночам ловил каждый ее вздох, малейшее движение ресниц и страшился выпустить из объятий, боясь, что она исчезнет, улетучится, будто утренний туман под лучами жаркого солнца. В кого я превратился? Кем стал?

Я укрыл ее ото всех, спрятал от целого мира — и что?.. Ничего. Мне давно не нужны дрова для камина: писем от Повелителя дроу и Владыки эльфов хватает с лихвой. Около моих границ постоянно патрулируют отряды дроу и эльфов, а неподалеку от замка часто видят свободно бродящего взрослого каргаала. Должно быть, это Сильван, белая кошка Эрики. Пока я справляюсь, из кожи вон лезу, чтобы никто не потревожил бесценное сокровище... мою жену. Но как долго это может продолжаться? Чем закончится подобная изоляция?

Поначалу я с жестокой радостью и неописуемым восторгом готовился к войне, очень уж хотелось навсегда стереть с лица планеты вечную угрозу моему благополучному и спокойному существованию.

Боги судили иначе. В следующую ночь после свадьбы меня посетил Йолар. По его молчаливому знаку рабы битвы переломали мне крылья, перебили все ребра, наказывая за неслыханную дерзость: за вторичный брак и постель с чужой богоданной супругой, матерью чужого ребенка. А потом бог озвучил свою волю. Та выражалась в строгом запрете на войну с дроу и светлыми эльфами. Тот же запрет касался ненавистного Дарниэля. Дескать, Повелителя дроу даже пальцем ни-ни! А не то... бог пообещал: в случае чего он не станет считаться ни с чем и лично отнесет жену настоящему мужу. Мол, его власти и могущества достанет, чтобы при необходимости переломить беспамятство и безумие.

Выслушивая наказ бога, я глотал кровавые слезы. Не

потому, что на каждом вдохе болело все тело, а потому, что он уничтожил возможность легкого решения моей проблемы. На прощанье бог пригрозил:

— Я бы своей рукой убил тебя, Габриэль, Повелитель демонов, и с удовольствием разорвал твою душу на тысячу кусков. Сегодня в храме ты кощунственно оскорбил божественную кровь. За твой грех, веришь ли, очень хочется испепелить не только тебя — всю страну демонов и даже твоего будущего ребенка. Но хорошо знаю: ты не настолько уж и виноват. Понимаю, чьи шаловливые ручки заварили эту кашу. Поэтому живи. И помни: через пять лет эльфийка должна быть возвращена Дарниэлю. Понятно? Через пять лет.

Я отчаянно пытался возразить:

— Но ведь я в отличие от дроу не смогу дальше жить без ее энергии...

В ответ услышал:

— Пять лет, и ни днем позже!

Этот день все ближе и ближе. Ожидание стало невыносимым!

Более всего истерзали меня муки совести. И захоти я мирно отпустить Эрику, не выйдет. Жена у демонов — пожизненно. Развод... о, развод возможен. Вполне. Со смертью одного из супругов. Замечательно, чтоб меня драконы драли!

А я прекрасно знаю, кого выберет мишенью мой двор, даже если самолично отпущу ее и прикажу впредь не трогать. Все равно, руководствуясь эфемерными понятиями чести, «верные» демоны-аристократы исподтишка мучительно казнят жену-изменницу, спасая реноме правителя от унижительного звания рогоносца. И рога лесных оленей тут ни при чем...

К горькому сожалению, ни эльфы, ни дроу не в силах защитить мою Повелительницу. Слишком слабы. Против демонической магии им, убогим, не выстоять.

А с точки зрения моих подданных — они не могут допустить потери лица их богоравного Повелителя! И ведь никого из ревнителей моей иллюзорной чести абсолютно

не заинтересует и не заставит передумать факт, что изначально Повелитель демонов украл и присвоил жену чужую...

Загнанный в ловушку безвыходности, я смертельно устал, раздираемый противоречиями. Довольно! Измучившись, принял верное решение: мне нужно любой ценой спасти Эрику, а значит — умереть. Самое лучшее, что я могу придумать. Это правильнее и честнее, нежели своими руками вручить любимую дроу и хладнокровно ждать ее гибели под пытками от рук моих подданных. Этого я точно себе не прощу. Так что моя внезапная и совершенно случайная — для всех! — кончина станет наилучшим решением...

Чтобы не прослыть слабовольным и трусливым беглецом от реалий жизни, мне понадобилась посторонняя помощь. Я пришел с необычной просьбой к единственному другу, с которым нас в свое время свела любовь к приключениям и с кем мы когда-то прилично почудили на пару, — Закэри, Наследнику Трона Драконов. Все очень просто. Друг легко поможет мне уладить последние проблемы.

Увы, насчет «легко» мне лишь показалось! Я совсем забыл о драконьей приверженности правилам. Выслушав мою просьбу, Зак постучал пальцем по лбу и сообщил мне диагноз:

— Это безумие!

Я закусил губу и согласно кивнул:

— А то я не знаю! Но и выхода другого не вижу!

Дракон, пылая гневом, вlepил мне пару пощечин, унижительных и — как он думал — отрезвляющих.

— Трус! Рохля! Слабак! Ничтожество!

Потирая щеку, я опять неожиданно для него согласился:

— Вот видишь, как идеально складывается! Мир должен тебе быть благодарен. Тебе придется нечаянно убить этого рохлю, слабака и далее по списку, не передоверяя никому. По праву дружбы.

Спорили мы долго и яростно. В итоге мне удалось сломить его сопротивление. Не найдя убедительных дово-

дов, чтобы отвертеться, дракон сдался и согласился помочь в осуществлении моего замысла. Не скрою, мне адски не хотелось выглядеть жалким и трусливым самоубийцей. Договорились: лучше, если то будет несчастный случай — например, подвернувшаяся нога во время поединка или что-то в этом роде...

Все произошло очень быстро, и я уходил... Прости меня и прощай, моя девочка с зелеными глазами и с золотой душой! Да хранят тебя и сына боги.

Я уходил, и на моих губах играла улыбка: я вспоминал тебя...

Как часто мы, имея желая нечто,
По головам стремясь к заветной цели,
Не понимаем, что порой на ЭТО
Мы никакого права не имеем.

И что в итоге нам платить придется
Намного больше и стократ дороже,
Ведь ничего нам даром не дается,
Но мы желали и желаем все же!¹

ГЛАВА 3

Не каждый может быть жертвой — тут нужна высокая квалификация.

NN

Закэри, Наследник Трона Драконов

— Мне срочно нужна твоя помощь! — сверкая глазами, будто осветительными шарами, ввалился ко мне в комнату через открытое окно Габриэль с абсолютно полумным выражением лица.

Внимательно оглядев демона, впервые на моей памяти одетого в белое, я утвердился в мысли, что тот рехнулся. Бывает же... Вот так, ни с того ни с сего. Бац — и тронулся умом. Хотя... нет. Не с «того», а — с «кого»! Чертова эльфийка! Где они только таких стервей находят? Это я про

¹ Автор стихов В. М. Глинская.

двух свихнувшихся на бабах дураков. И, что удивительно, оба именно на светлых эльфиек нарвались. Оксюморон!

Один, воитель ушастый, заперся в замке и строит глобальные планы по завоеванию мира. Причем скооперировался, гад, непонятно как со светлыми эльфами и даже с оборотнями, когти им за уши! Уже через три страны свободно ни проехать ни пройти. Оборону укрепляют, слабительного им в кишечник! Тоже мне... Властелин тьмы недоделанный! Остается лишь на правах старой дружбы признавать бедному дракону — не попадут ли под темноэльфийскую оккупацию и земли драконов заодно?

Второй, загрэнзац ему в печень, идио... затворник крылатый, пять лет носа не кажет! Только по великим праздникам, которые могу пересчитать по пальцам: четыре. Мои дни рождения. В остальное время Габриэль прилежно исполняет роль мужа и прячется под юбками у своей благоверной (по слухам — красивой, но пыльным мешком по голове ударенной. Раза два. Или три).

Видимо, я так глубоко задумался, что взъерошенный демон в который раз вынужден был повторить свою просьбу:

— Зак, помоги! Без тебя никак!

Чуть приподняв брови в искреннем недоумении, я раздраженно фыркнул в направлении всяких нагло шляющихся через оконные проемы посетителей, именующих себя друзьями, отложил в сторону книгу и поднялся с любимого кресла. Подойдя к стенной нише, достал два бокала и охлажденную бутылку старого вина.

На полпути к столу нарушил молчание:

— Чем могу подействовать?

Демон прикусил губу, замялся и наконец выпалил скороговоркой, глядя на меня абсолютно шальными глазами:

— Ты должен меня убить!

Бутылка со звоном выпала из моих рук и разлетелась на сотни осколков вместе с бокалами.

— Ого!

Волевым усилием подавив желание поковыряться в ухе и десять раз переспросить, я побуравил пристальным взглядом сумасшедшего приятеля, вернулся к нише и решительно выудил оттуда стратегический запас — объемистую бутылку с огненной водой¹ и граненые стопки. Там же отыскалась тарелка с иноземным деликатесом дворфов — квашеными огурцами, рецепт которых они держат в страшном секрете (серьезней этого они охраняют лишь рецепт квашеной капусты!).

Разговор предстоял долгий.

— Рассказывай, — велел, бережно откупоривая хорошо притертую пробку и разливая ядреный напиток в незатейливые рюмки.

Через два часа...

— Ты спятил! — Я гулко стучал согнутым пальцем по упрямой черепушке демона. Был огромный соблазн постучать коронной булавой, но демон явно бы не смог оценить важность момента и размер оказанной чести. — Я никогда... никогда... никогда... не буду! Ты мне друг!

— Вот именно! — эмоционально отозвался Габриэль, яростно почесывая ушибленное темечко. — Поэтому вся надежда только на тебя!

— Кто на меня?.. — удивился окосевший дракон в моем лице. — Снова баб... женщина?! Нет. Помру холостяком!

— Кто ж те даст? — изумленно округлил глаза крылатик.

— Что значит — кто? — возмутился я, неверной рукой разливая огненное пойло. Неспешно опрокинул в горло мутную жидкость и куснул огурец. — Че, у меня придворных дам мало?

Демон недоуменно на меня уставился, потряс головой и вкрадчиво поинтересовался:

— А какая связь между придворными дамами и целибатом?

— Прямая! — Неловко отмахнувшись, я мазнул по лицу демона рукавом рубашки с запонкой. — И то, и другое действует на нервы...

¹ Огненная вода — национальный напиток драконов.